

Текст · 29 апреля 2019, 06:07

«Донести, где надлежит». Историк Евгений Анисимов — о сыске и доносителстве в XVIII веке

Что заставляло людей становиться доносчиками? Прежде всего — угроза стать неизветчиком, то есть недоносчиком. Оказаться неизветчиком было страшнее, чем стать ложным изветчиком. Согласно законам, неизветчик признавался фактически соучастником государственного преступления. Его ожидало наказание кнутом, ссылка на каторгу или даже смертная казнь «за то, что он ведал воровской умысл, а не известил» или что он «знал за тем... (имярек) "государево слово и дело" и нигде о том не донес». Так было с новгородским распопом Игнатием Ивановым, который по указу Петра I был казнен в 1724 году за недонесение слышанных им от других «непристойных слов».

Самодержавие и политический сыск — два исторических института, теснейшим образом связанные друг с другом. <...> Все самодержцы и самодержицы XVIII века были причастны к политическому сыску: заводили дела, участвовали в допросах, выносили приговоры. В книге рассмотрена система государственных (политических) преступлений, эволюция органов политического сыска и сыскная практика: донос, арест, допрос, следствие, пытки, вынесение приговора, казнь или ссылка.

Из аннотации на книгу Евгения Анисимова на сайте издательства НЛО

Суровое наказание ждало присягавших служащих, которые поклялись на кресте и Евангелии доносить, но не донесли. Опасаясь именно этого, В. Н. Татищев сел в 1738 году за сочинение извета на своего гостя — полковника Давыдова, который позволил себе «острые» застольные разговоры. Перед писанием доноса Татищев рассказал о происшедшем полковнику Змееву. Тот дал совет, что нужно доносить немедленно, ибо, сказал Змеев, «здесь он, Давыдов, врет, а может и в других местах будет что врать, [а] здесь многие ссылочные имеютца и, то услыша, о том как донесут, а Давыдов покажет, что и с тобою о том говорил, то можешь и с того пропасть, и для того надобно тебе писать, куда надлежит немедленно».

От недоносительства многих удерживало и то, что духовенству, в соответствии с синодальным указом 1 мая 1722 года, разрешалось нарушать таинство исповеди, если в ней будет замечен состав государственного преступления. В объявлении по этому поводу Синода говорилось, что нарушение тайны исповеди «не есть грех, но полезное, хотящаго быть злодейства пресечение». Попы приносили присягу, обязывавшую их доносить. Нарушавших эту присягу сурово наказывали. Исповедовавший В. Кочубея поп Иван Святайло в 1708 году был сослан на Соловки, а московского попа Авраама, принимавшего исповедь у подьячего Докукина, в 1722 году наказали кнутом, урезанием языка, вырыванием ноздрей и ссылкой на каторгу в вечную работу.

Сложность ситуации заключалась в том, что священник оказывался извечником без свидетелей и поэтому его могли обвинить во лжи и в оговоре своего духовного сына. В 1725 году генерал Михаил Матюшкин рапортовал из Астрахани в Петербург, что Покровской церкви поп Матвей Харитонов сообщил ему, что «был у него на духу солдат и сказывался царевичем Алексеем Петровичем». Поп прогнал самозванца и дал знать о нем властям. Когда «Алексея Петровича», который оказался извозчиком Евстифеем Артемьевым, схватили, то он показал, что называться царевичем Алексеем его «научал»... сам поп Матвей, которого тотчас же арестовали и заковали в колодки. И лишь на последующих пытках самозванец «сговорил», то есть снял с попа обвинения. После этого Артемьева увезли в Москву в Преображенский приказ, а попа оставили под караулом. Несмотря на обращение Астраханского епископа Лаврентия в Синод об освобождении попа Матвея «яко оправданного», его отправили в Синод с указом «обнажить священничество», так как он обвинен «в важном е. и. в. (его императорского величества — МЗ) деле». Иначе говоря, подозрения с законопослушного попа так и не сняли.

Иными доносчиками двигало неутоленное чувство мести и злобы. Они хотели только одного — принести ближнему вред во что бы то ни стало. Доносчик Дмитрий Салтанов на следствии 1723 года уже по второму его ложному извету «о себе говорил, что-де мне делать, когда моя такая совесть злая, что обик напрасно невинных губить». Муромский поп Василий Федотов в 1762 году показал «по первому пункту» на вдову А. И. Остермана Марфу, а потом

признался, что «оное учинил он в пьянстве своем и по злобе на оную Остерманову за то, что-де, по приходе ко оной, для поздравления ее о восшествии... Петра Феодоровича, желал он за то поздравление получить себе чарку вина или что-нибудь из денег, но люди той Остермановой, за болезнь ее, в келью к ней не допустили, как думает он, по приказу оной Остермановой, и за то желал он, поп, ей, Остермановой высылкою в Тайную контору причинить оскорбление и отомстить свою злобу».

За донос нередко брались шантажисты, хорошо понимавшие, сколько проблем может доставить извет. По дороге из Сибири в Москву в 1722 году арестанты Яков Солнышков и старица Варсонофия потребовали, чтобы их конвойный, ефрейтор Кондратий Гоглачев, дал им бумаги и чернил для сочинения жалобы (что конвою было категорически запрещено). Добились они этого, сказав охраннику, что «ежели не даст, [то] на него, ефрейтора, донесут». Боявшийся оглашения каких-то своих грешков ефрейтор добыл им бумаги и чернил.

Доносчик — это еще и энтузиаст, искренне верящий в пользу своего доноса, убежденный, что так он спасает отечество. Особо знаменит тобольский казак Григорий Левшутин, который, по словам П. К. Щебальского, «всю жизнь свою посвятил, всю душу положил на это дело (доносительство — Е. А.). С чутьем дикого зверя он отыскивал свою жертву, с искусством мелодраматического героя опутывал ее, выносил истязания со стоицизмом фанатика, поддерживая свои изветы, едва окончив дело, начинал новое, полжизни провел в кандалах

и на предсмертной своей исповеди подтвердил обвинение против одной из многочисленных своих жертв». Левшутин сам, по доброй воле ходил по тюрьмам и острогам, заводил беседы с арестантами, выпрашивал у них подробности, а потом доносил. В 1721 году он выкупил себе место конвоира партии арестантов, сопровождал ее до Москвы. В итоге этой «экспедиции» он сумел подвести под суд всю губернскую канцелярию в Нижнем Новгороде.

Главной болью для сибирской администрации был Иван Турчанинов — турецкоподданный еврей Карл Левий, взятый в плен под Очаковом и сосланный на Камчатку за шпионаж. Там, перейдя в православие, он стал одним из самых знаменитых прожектеров и доносчиков XVIII века. Он донес на всю сибирскую администрацию во главе с губернатором, убедительно вскрыл все «жульства» и чудовищные злоупотребления сибирских чиновников. В награду за труды он удостоился чина поручика и награды в 200 руб. Специальная комиссия И. Вольфа разбирала доносы Турчанинова на сибирскую администрацию двадцать лет!

Опытный доносчик никогда не забывал, что извет надо доказать, «довести» его с помощью показаний свидетелей и доказательств. Подчас оказывалось, что «довести» донос крайне трудно: или преступный разговор был один на один, без свидетелей, или свидетели не дали нужных изветчику показаний, или, наконец, сам изветчик не выдержал пыток и отказался от своего доноса. В итоге, анализируя дела политического сыска, замечаешь, что иной извет, явно не «бездельный», тем не менее

за недоказанностью признавался ложным. Н. Б. Голикова, обобщая материалы Преображенского приказа за 1695–1708 годы, пришла к выводу, что число ложных изветов крестьян и холопов на своих господ достигало 87,7% (57 из 65 изветов), и объясняла это тем, что «каждый донос был сопряжен с огромным риском и тяжкими мучениями». Попав в застенок, изветчики даже не предполагали, как подчас трудно «довести» донос.

Особенно опасным для изветчика был донос на влиятельного, «сильного» человека. Все попытки донести на злоупотребления князя Ромодановского (а он был в Москве настоящим царьком) приводили только к наказанию доносчиков, причем без всякого расследования их изветов. Опасно было вставать и на пути такого отъявленного вора, каким был А. Д. Меншиков. Даже когда полковник А. А. Мякинин, только что назначенный генерал-фискалом, сумел уличить Меншикова в утайке налогов с одной из своих крупных вотчин на протяжении 20 лет, светлейший нашел-таки способ расправиться с ним. Мякинина отдали под военный суд и приговорили к расстрелу, замененному ссылкой в Сибирь.

Иллюстрация: Ольга Аверинова / Медиазона

Только хладнокровные и «пронырливые» люди умели в нужном месте «подстелить соломки». В 1702 году в Нежине капитан Маркел Ширяев донес на старца Германа. Оказалось, что как-то раз Герман обратился к капитану на базаре с «непристойными словами» о Петре I, даже увел офицера в укромный уголок, где описал весь ужас положения России, которой

управляет «подмененный царь» — немец. Ширяев притворился, что увлечен словами проповедника, узнал его адрес и на другой день пришел к Герману в гости. Он вызвал старца на улицу, а пока они прогуливались, двое солдат — подчиненных Ширяева незаметно пробрались в дом старца и спрятались за печкой. Когда хозяин и гость вошли в избу, то Ширяев, для того чтобы как бы «взять в розум» сказанное на базаре старцем о Петре, попросил того повторить «непристойные слова». Сделано это было исключительно для ушей запечных свидетелей. И только после этой операции Ширяев донес на старца «куда надлежит».

Несмотря на общераспространенность доносительства, люди того времени хорошо осознавали неизбежное противоречие между долгом, требовавшим во имя высших государственных целей донести на ближнего, и христианскими заповедями, устойчивым представлением о том, что доносчик — это Иуда, предатель, которому нет прощения. Самыми серьезными противниками политического сыска оказались старообрядцы. Среди них почти не было доносчиков. Старообрядцы многим могли поступиться, но оставались стойки и непримиримы в обличении власти, в защите своей веры, а следовательно, в своей духовной независимости.

Не только старообрядцы избегали доносительства. Как известно, в 1730 году, сразу же после восшествия на престол Анны, была предпринята попытка ограничения императорской власти. Казанский губернатор А. П. Волынский написал своему дяде С. А. Салтыкову письмо в Москву, что приехавший

из Москвы в Казань бригадир Иван Козлов весьма одобрял попытку ограничить власть императрицы Анны и очень огорчился, что замысел этот не удался. Волынский сначала отказался подавать донос на Козлова, считая это неприличным и бесчестным для дворянина. Однако по настоянию дяди он подал донос с просьбой рассматривать его «только приватно, а не публично». «Мне, — написал он, — доношения подавать и в доказательствах на очных ставках быть... — то всякому дворянину противу его чести будет, но что предостерегать и охранять, то, конечно, всякому доброму человеку надобно, и я, по совести своей, и впредь не зарекаюсь тож сделать, если что противное увижу или услышу». Далее из письма следует, что от подачи доноса Волынского удерживали сомнения в полной победе группировки Анны Ивановны. Как видим, честь дворянская по-Волынскому — понятие гибкое: в одном случае она вообще не допускает доноса, в другом же случае допускает, но лишь тайно и только тогда, когда извет не несет опасности для доносчика-дворянина.

Известны другие, хотя и немногочисленные, попытки осуждения доносительства. В августе 1732 года солдат Ларион Гробов сказал своим товарищам — доносчикам на солдата Седова: «Съели вы салдата Ивана Седова ни за денешку, обрадовались десяти рублям!» За эти слова Гробова били плетью и сослали в Прикаспий. В том же году в Тайной канцелярии свидетель по делу солдата Кулыгина капрал Степан Фомин «сперва в роспросе о тех непристойных словах имянно не объявил, якобы стыдясь об них имянно объявить». Затем выяснилось, что он отговаривал

извечика от подачи доноса. Действия Фомина расценивали как преступление.

Даже если доносчики исходили в своем поступке из «присяжной должности» и считали, что поступали как «верные сыны отечества» при полном одобрении и поощрении со стороны государства, червь сомнения все-таки точил их души. Они понимали безнравственность доноса, его явное противоречие нормам христианской морали. Бывший фельдмаршал Миних в 1744 году писал А. П. Бестужеву-Рюмину из пелымской ссылки, что в 1730 году, при вступлении Анны Ивановны на престол, он, как главнокомандующий Петербурга, «по должности... донести принужден был» на главного военно-морского начальника адмирала Сиверса. Миних признавал, что донос его погубил жизнь адмирала, которого сослали на десять лет, и только перед смертью он был возвращен из ссылки Елизаветой Петровной. Теперь, почти 15 лет спустя после извета, доносчик, сам оказавшись в ссылке, писал: «И потому, ежели ея величества наша великодушнейшая императрица соизволила б Сиверсовым детям некоторые действительные милости щедрейше явить, то оное бы и к успокоению моей совести служило».

Вообще-то люди страшно боялись доносов и доносчиков. Как только они слышали «непристойное слово», то стремились, во-первых, не допустить продолжения опасного разговора, во-вторых, бежать с места происшествия и, в-третьих, всячески отвертеться от участия в следствии в роли доносчиков или свидетелей. Музыканты, игравшие

на семейном празднике у пленного шведа Петера Вилькина в январе 1723 года, прекратили игру, собрали инструменты и поспешно бежали после того, как хозяин заявил, что императору Петру I осталось жить не более трех лет. Музыкантов гнал с вечеринки великий государственный страх: они не хотели стать сообщниками, свидетелями, колодниками, пытаемыми, казнимыми по политическому делу.

Если человек начинал публично говорить «непристойные слова», окружающие его «от тех речей унимали» уговорами. Чаще всего ему говорили: «Дурак, полно врать!» или «Врешь ты, дурак!» Иногда такого человека били или изгоняли. Купец Смолин, который в 1771 году решил пострадать «за какоенибудь правое общественное дело и тем заплатить свои житейские грехи, мучащие его», начал громко ругать государыню в церкви, но добился только того, что причетники выбросили его из храма. Пришлось самоизветчику идти сдаваться властям. Если слышавшие «непристойные слова» не могли бежать, то они делали вид, что ничего не слышали из-за «безмерного пьянства», или сидели далеко и не «дослышали», или якобы были увлечены другим делом, или спали.

Из сказанного выше ясно, что доносчика не окружала любовь народная. Его ненавидели, боялись, ему угрожали расправой. Сохранилась челобитная доносчика — церковного дьячка Василия Федорова, по извету которого казнили помещика Василия Кобылина. После возвращения из Преображенского домой у дьячка начались неприятности, которые он подробно описал в своей челобитной 1729 года. Сразу

после казни Кобылина «дано мне, — пишет дьячок, — по прошению моему, до настоящего награждения, корову с телицею, да на прокорм их сена, да гусей и кур индейских по гнезду, и то чрез многое прошение насилу получил в три года, а охранительного и о непорицании меня указов из той (Преображенской. — Е. А.) канцелярии не дано». Эта защитная грамота была необходима изветчику: «Я чрез три года как от жены того злодея претерпевал всякие несносные беды и разорения и бит смертно, от чего и доднесь порядошного себе житья с женою и детьми нигде не имею и, бродя, без призрения, помираем голодною смертию, яко подозрительные». И хотя дьячок, как и все ему подобные челобитчики, прибедняется, положение его действительно было незавидное. С места в церкви села Лихачево его согнали, и когда он, уже получив защитную грамоту, туда приехал, «того села поп Александр Васильев и пришлой крестьянин Семен Федосеев, которой живет на моем дьячковом месте, помянутой данной мне ваше. и. в. грамоты ни во что ставили и порицали и, залуча меня в деревне Крюкове, у крестьянина Максима Иванова, били и увечили смертным боем, от чего и поныне правою рукою мало владею, которой бой и увечье в Волоколамской канцелярии, при многих свидетелях, как осматриван и описан, а челобитья моего о том бою и о порицании онаго ваше. и. в. указа тамошний воевода... Иван Козлов не принял».

Тот, кто опасался доноса или знал наверняка, что на него донесут, стремился предотвратить извет во что бы то ни стало. Проще всего было подкупить возможного изветчика, умилоstitвить его подарками и деньгами или, наоборот, припугнуть. В 1734

году брянский помещик Совет Юшков, сидя за столом с посадским — портным Денисом Бушуевым, высказался весьма критично об императрице Анне. Бушуев, как верноподданный, решил ехать в Петербург и донести на хозяина застолья. Что только не делал Юшков, чтобы Бушуев отказался от своей затеи: сажал его под арест, приказывал бить батогами, поил водкой, уговаривал, угощал обедом, предлагал помириться. Холопы Юшкова, знавшие об этом конфликте, не спешили поддержать Бушуева и не доносили властям о кричании им «слова и дела». Несколько недель Бушуев прятался от Юшкова по имениям разных помещиков, которые также не доносили о происшедшем властям, пока наконец храбрый портняжка не добрался до Рославля и не заявил воеводе Чернышову, что «ведает он, Бушуев, за помянутым Юшковым, по силе е. и. в. указу первого пункта, некоторые от него, Юшкова, поносительные слова на е. и. в., что на него, Юшкова, и доказать может». Воевода арестовал Юшкова, Бушуева и свидетелей и выслал их в Петербург.

«Извещать» или «утекать»? Как перехитрить политический сыск XVIII века

[Специальный безысходный тест «Медиазоны» и издательства НЛО по книге историка Евгения Анисимова «Держава и топор»](#)

Местные власти, исходя из сказанного в главе об учреждениях сыска, должны были принять донос, арестовать, допросить указанных извечником людей и отправить их в столицу или сообщить по начальству о начатом деле и ждать распоряжений из центра. Но все это — формально, по закону. Чаще всего местные начальники попросту игнорировали доносы. В 1707 году красноярский воевода И. С. Мусин-Пушкин поссорился с подьячим Иваном Мишагиным. Тот кричал «слово и дело» и был посажен своим начальником в тюрьму. Сидя под арестом, Мишагин объявлял «слово и дело» всем подряд: караульным, арестантам, посетителям. Через решетку окна он кричал «слово и дело» людям, шедшим в собор на службу. Народ слушал и шел дальше. В конце концов раздосадованный воевода приказал Мишагина обезглавить. И сколько тот ни бился и ни кричал, что по закону его нужно отправить в Москву, Мусин-Пушкин был непреклонен — извечнику отсекли буйну голову. Конечно, воевода Мусин-Пушкин грубо нарушил закон.

Разные причины мешали начальникам начать дело по услышанному доносу. Одни не доверяли извечнику — часто человеку несерьезному, корыстному или склонному к пьянству. Другие боялись, что их втянут

в машину политического сыска, замучают допросами. Третьи дружили с жертвой доноса, были ее родней. Будем иметь также в виду, что среди местных начальников было немало людей, которые попросту гнушались этими грязными делами. Наконец, чиновников подкупали, задабривали, уговаривали плюнуть на донос, забыть о нем, советовали положить извет в долгий ящик.

Заключая главу о доносах, отмечу их массовость и распространенность в рассматриваемый период, а также необыкновенную отзывчивость власти к изветам всех видов. С помощью законодательства и полицейской практики власти создали такие условия, при которых подданный не доносить (без риска потерять свободу и голову) попросту не мог. Поэтому «извещали» тысячи людей. Читать бесчисленные доносы тех времен — труд для историка тяжкий. От этого чтения можно легко потерять веру в народ и человечество. Единственным утешением служит только та мысль, что без копания в этом окаменелом дерьме невозможно написать книгу на данную тему.

Истоки доносительства — в истории становления политического режима Московского княжества. По мере упрочения Московского царства значение извета возрастало не только по причине усилившейся самоизоляции России от мира, но и в силу особенностей управления такой огромной страной, как Россия. При слабости власти, неразвитости инструментов государственного контроля доносительство стало чуть ли не единственным эффективным способом

выявить «ниспровергателей» государевых указов, а сам донос стал служить доступным власти способом контроля за исполнением законов. Появление института штатных доносчиков — фискалов — есть законченное выражение этого принципа на практике. Кажется, что в тогдашних условиях только с помощью доносов соседей, родственников, сослуживцев, товарищей, конкурентов, завистников власти можно было проконтролировать исполнение подданными законов в поместных, земельных делах, при уплате налогов, податей и пошлин, при соблюдении монополий, при исполнении службы государевыми людьми, в борьбе со старообрядцами и т. д. и т. п. Само собой, доносительство стало самым надежным оружием в борьбе с государственными преступлениями.

Евгений Анисимов — доктор исторических наук, профессор и научный руководитель департамента истории НИУ Высшая школа экономики (Петербургский филиал), профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН. Автор нескольких сотен научных публикаций.

Чтобы почувствовать себя героем книги «Держава и топор», пройдите [специальный безысходный тест](#), подготовленный издательством НЛО совместно с «Медиазоной».